

Игнатъев Емельян Игнатъевич

Без руля и без ветрил

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Е60

Е60 **Емельян Игнатъевич И.**
Без руля и без ветрил: Повести и рассказы / Игнатъев Емельян Игнатъевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 261 с.

ISBN 978-5-519-86783-2

ISBN 978-5-519-86783-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Безъ руля и безъ вѣтриль.

ПОВѢСТЬ.

«Свѣжо преданіе»...

Швейцарь у воротъ лѣтнаго увеселительнаго сада учтиво осклабился и слегка приподнял фуражку. Прямо въ ворота, не заходя за билетами въ кассу, проходила компанія молодыхъ мужчинъ,—человѣкъ пять-шесть. Поклонъ былъ сдѣланъ „единственно, такъ сказать, изъ уваженія къ печати...“ Въ числѣ входящихъ были сотрудники одной изъ мѣстныхъ газетъ: секретарь „Предусмотрительности“—коротенькій и юркій брюнетъ, Сергѣй Ивановичъ Маровъ, и фельетонистъ той же газеты, Мигаевъ, тонкій и высокій меланхолическаго вида господинъ.

Шелъ съ ними и Акшеевъ, Павелъ Петровичъ, тоже имѣющій нѣкоторое прикосновеніе къ печати. Года три-четыре назадъ, окончивъ университетскій курсъ, онъ все готовился къ экзамену на ученую степень, а пока что поступилъ на какую-то казенную службу. Впрочемъ, въ послѣднее время всего болѣе занимался писаніемъ разныхъ газетныхъ статей.

Редакторъ издатель „Предусмотрительности“ находилъ въ немъ „несомнѣнный талантъ“ и постоянно печаталъ его замѣтки, тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ пока не гнался за платой. Похвалы издателя и начинающаяся скрытая зависть фельетониста нравились и пріятно щекотали самолюбіе молодого „писателя“. Все съ большимъ и большимъ удовольствіемъ Акшеевъ проводилъ цѣлые часы въ заплыванномъ, редакціонномъ помѣщеніи. Секретарь старался съ нимъ дружить.

Кромѣ этихъ троихъ, въ числѣ входящихъ былъ какой-то зубной врачъ,—родственникъ Марова,—какой-то другъ и почитатель фельетониста и средняго роста, плечистый, плотный съ

великолѣпной шевелюрой и низкимъ лбомъ репортеръ, Николай Егорычъ, могущій безнаказанно выпить неисчислимое количество рюмокъ водки.

Быль двѣнадцатый часъ ночи, и лѣтнее „Эльдорадо“ съ музыкой, шантаномъ и буфетомъ дѣйствовало во-всю. Электрическіе фонари и лампы бросали рѣзкій свѣтъ на разношерстную толпу. По усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ колыхалась сѣть прихотливо переплетающихся черныхъ, рѣзко очерченныхъ, то уродливо вытянутыхъ, то не менѣе уродливо укороченныхъ тѣней-силуэтовъ. Подъ жидкую музыку струннаго оркестра изъ шантана неслись визгливыя завыванія женскихъ голосовъ, смѣняемая полухриплыми выкрикиваніями мужчинъ. Раздавалось хлопанье, стукъ палками по полу и одобрительныя возгласы публики. Во время антрактовъ изъ-за перегородки, отдѣляющей открытую сцену отъ остальнаго сада, шумно выходила публика, присоединялась къ гуляющимъ и совѣмъ запружала небольшую площадь и дорожки сада. Особенно тѣсно было у буфета. Мѣдный, духовой оркестръ начиналъ въ это время свой ужасный вой и оглушительную трескотню.

Было пока довольно много отцовъ семействъ съ женами, но преобладали „одинокіе“ и всякаго рода, въ формѣ и не въ формѣ, молодежь. Постоянно мелькали и бросались въ глаза женскія шляпы, женскія подкрашенные и неподкрашенные лица, безпокойныя, жадныя и ищущіе взгляды.

— Штука-съ! — сказалъ зубной врачъ и чмбами. Онъ заглянулъ подъ огромную шляпу проходившей женщины, затѣмъ обернулся и началъ смотрѣть ей Хористочка! — съ убѣжденнымъ видомъ заключилъ онъ.

— Вотъ что, господа! — сказалъ секретарь: — еще цѣлое отдѣленіе впереди. Что такъ шлаться. Я пойду въ кассу и возьму свободную ложу бесплатно, а тамъ посмотримъ.

— Идетъ! — отвѣтили ему.

Компанія остановилась среди сада. Акшеевъ продолжалъ разговоръ съ фелъетонистомъ:

— Въ сущности вертепъ и кабакъ... Въ концѣ концовъ, мы всегда попадемъ въ кабакъ.

— И буде есть деньги, всегда напиваемся... — добавилъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ... Я безъ шутокъ...

— Да и я безъ шутокъ...

— Ахъ, оставьте! Не знаменательно ли и не странно ли, скажите, что если захочешь послѣ 9—10 часовъ вечера отвести душу, то попадешь, хочешь — не хочешь, въ кабакъ.

— Можете отправиться спать.

— А если я не хочу спать, не могу спать. Если я хочу жизни, движенія, обмѣна мыслей, живого разговора, салона. .

— Че-го-о?... — протянулъ фельетонистъ: — какого - такого салона?

— Знаете... салона, о которыхъ пишутъ, хоть бы у французовъ. Собирается цвѣтъ ума, остроумія и интеллигенціи... Очаровательныя и умныя женщины, начиная съ хозяйки. Полная, но приличная и изящная непринужденность... Вы можете туда зайти изъ театра, послѣ работы, разговориться, обмѣняться мыслями, новостями, впечатлѣніями, услышать новую острогу, послѣдній анекдотъ, увидѣть вновь появившуюся знаменитость... Однимъ словомъ, передъ тѣмъ, какъ заснуть, вы еще разъдохнете полной грудью въ неотравленной атмосферѣ и...

— Эхъ, батенька, чего захотѣли! То—французы, а то мы—тянулъ Мигаевъ.—У насъ... Ну, идите въ гости, если не хотите кабака.

— Чортъ бы ихъ побралъ — эти „гости“!.. Во-первыхъ, посадятъ за карты; а если не посадятъ, то еще хуже: скучнѣйшіе разговоры, подлѣйшія сплетни пошлѣйшихъ людей... Скучно и тяжело. Тяжело и скучно...

— А вы будьте веселы и интересны.

Въ разговоръ вмѣшались остальные:

— Господа! Да полно вамъ философію разводить. Вотъ нашли мѣсто. Идемте къ буфету, по рюмочкѣ...

— Что-то холодно, дрожу...—подхватилъ другой.

— Не яко во піанство, но во спасеніе и обогрѣніе душъ нашихъ — сказалъ Николай Егорычъ, репортеръ.

.... Дѣло не вредное!—поддержалъ фельетонистъ.—Но како будетъ сіе, аще пенязей не имамъ?

— Вотъ еще глупости! Наберется. Акшеевъ! Что-же вы? Идемъ...

— Идемъ, пожалуй. Только бы Сергѣя Ивановича подождать: не найдеть потомъ.

Всѣ разсмѣялись:

— Онъ не найдетъ!.. И искать не будетъ. Прямо къ буфету пойдетъ... Чего добраго, уже тамъ.

Всѣ двинулись къ буфету и, потирая руки, начали приглядываться къ закускамъ.

— По рюмкѣ водки...

— Мнѣ съ пикомомъ.

— Пополамъ съ рябиновой.

— Чистой... безъ помарокъ...

— Чортъ знаетъ, что такое! Закусокъ много, а не знаешь, чѣмъ закусить... Крутишься-вертишься, а оканчиваешь тѣмъ, чтоковыряешь селедку! — жаловался кто-то.

— А ну, „по еще“!

Выпили „по еще“ и еще „по еще“...

— Хоть бы вы, черти, совѣсть имѣли,—товарища обождали!—сказаль, подходя, Маровъ.—Для нихъ же стараешься, а они вотъ... все сами вылакать хотятъ.

— А Сержъ!.. почтеннѣйшій... Ну-ка! Еще по чарцѣ...

— По чарцѣ—по парцѣ, да опять по пять! Первая—коломъ, вторая—соколомъ, третья—мелкими пташечками!—сказаль плотный Егорычъ, опрокидывая въ ротъ еще рюмку.

— Ложа есть. Но что предпримемъ послѣ отдѣленія?—произнесъ, жуя, Маровъ.

— Гм!.. Хорошо бы этакъ въ кабинетецъ!..—воскликнулъ, жмуря глаза, дантистъ.

— Да прихватить бы дѣвченокъ съ пару...

—Ля донна э мобиле,
Квамъ пьюмъ альвенто.
Мнѣ морду побили
Въ уно моменто...

запѣлъ фельетонистъ.

— Но раньше, чѣмъ садиться въ дилижансы, не счесть депансы,—сказаль, улыбаясь, его почитатель.

— Ни копыя!—тихо, но внушительно произнесъ Мигаевъ, хлопая себя по карману брюкъ.

Сергѣй Ивановичъ заморгаль глазами и полѣзъ въ жилетный карманъ:

— Рубль съ мелочью, пожалуй, найдется.

— Десятка есть,—сказаль зубной врачъ,—съ меня хватить!

— У меня троячка.

— Фью-фью...—засвисталь Маровъ.—Развѣ кредитъ, что ли?...—Онъ почесаль голову.

Нѣсколько выпитыхъ рюмокъ водки немного отуманили Акшеева. У него возбужденно заблестѣли глаза. Ему стало вдругъ очень тепло, радостно и легко...

— Деньги—что! Вздоръ!.. — сказалъ онъ. — У меня есть деньги.

— Да здравствуетъ Акшеевъ!— негромко, но дружно провозгласила компанія. — А много?

— Рублей сто наберется.

— Батюшки мои!—сказалъ фельетонистъ. — А еще плачетъ человѣкъ: салонъ, молъ, ему, подавай... А салонъ-то у него въ карманѣ. Сейчасъ такой салонъ закатимъ, что... Вотъ я распродажусь относительно кабинета... Эй, челаэкъ!

Пронзительный звонокъ затрещалъ по саду. Публика направилась къ шантану.

— Allons enfants de la patrie...—фальшиво затянулъ плотный Егорычъ.

Вся компанія направилась въ ложу.

На открытой сценѣ продѣлывалось все то, что обыкновенно продѣлывается на подобнаго рода сценахъ. Выходили, или въ припрыжку, посылая обѣими руками воздушные поцѣлуи, выбѣгали полураздѣтыя женщины и выкрикивали скверные куплеты на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и всякихъ иныхъ языкахъ. Выкрикивая куплеты, онѣ продѣлывали задорныя тѣлодвиженія и жесты. Но возбуждительность и неприличіе этихъ тѣлодвиженій, увы! терялись въ ихъ неуклюжести, некрасивости и нелѣпости. Выбѣгали и такія женщины, которыя ничего не пѣли, а просто старались подъ звуки музыки какъ можно выше поднимать ноги и показать всѣмъ находящіеся подъ коротенькими юбками трико или цвѣтные панталоны. Выходили мужчины, ряженые или просто во фракахъ, выкрикивали еще болѣе неприличные куплеты, рассказывали грязные анекдоты и уходили. Выходило по нѣсколько мужчинъ и женщинъ отдѣльно. Пѣли мужчины и женщины вмѣстѣ... Все это съ самыми нелѣпыми ужимками кричало, пѣло, танцовало, заражало воздухъ невидимымъ, но весьма ощутительнымъ чадомъ и угаромъ вонючаго растлѣнія и скверны.

Послѣ cadaго выхода публика гоготала, стучала о полъ пал-

ками и зонтиками, требовала повтореній. Въ мѣстахъ, поражающихъ особой недвусмысленностью, многіе восторженно поворачивались другъ къ другу и значительно подмигивали. Атмосфера была проникнута какимъ-то напряженіемъ разнузданности.

Акшееву стало вдругъ грустно и тяжело. Первый хмель отъ выпитаго у буфета прошелъ. Нервы опустились и упали. Въ партерѣ онъ увидѣлъ нѣсколько знакомыхъ лицъ и забился въ уголъ ложи. Ему стало до злости досадно, что онъ здѣсь и вдобавокъ вызвался тратить деньги, — тѣ самыя деньги, которыя ему были нужны и которыя онъ съ такимъ трудомъ собралъ. И на кого тратить?

Онъ оглядѣлъ свою компанію. Всѣ они вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности только и ищутъ случая, какъ бы на чужой счетъ, „на шермака“, — по ихъ выраженію, — поѣсть, попить, покутить. Было у нихъ и специальное названіе для человѣка, который за нихъ платилъ, — его звали „пассажиромъ“. Такимъ пассажиромъ былъ теперь онъ, Акшеевъ. Какъ все это, въ сущности, глупо...

На сцену вышелъ мужчина во фракъ и затынулъ:

Съѣвъ сотню раковъ—«бордолезъ»,
Твердитъ пѣвичка: майонезъ
Я обожа-а-ю, я обожа-а-ю...
Съѣвъ апельсинъ и ананасъ,
Что съ нею будетъ черезъ часъ,—
Вообража-а-ю, вообража-а-ю...

— Го-го-го...— раздалось въ публикѣ.

И вдругъ Акшееву показалось, что онъ сидитъ гдѣ-то далеко-далеко отъ всей этой публики, отъ всего этого народа и словно сверху сквозь какую-то полосу прозрачнаго тумана наблюдаетъ тоскливую и невыносимую комедію, гдѣ всѣ притворяются будто имъ весело и забавно. На самомъ же дѣлѣ даже въ этомъ „го-го-го“ слышалась какая-то нотка скуки, утомленія и безнадёжности... Онъ опустилъ голову и забылся.

— Ахъ, чортъ! Вотъ эту бы...— проговорилъ кто то возлѣ въполголоса.

— Ну, братъ, не по карману берешь...

— Зачѣмъ по карману, „по любви“...

— Хи-хи-хи...

Акшеевъ очнулся и сообразилъ, что перебрасывались замѣчаніями его же пріятели. На сценѣ теперь пѣла дебелая, съ колоссальнымъ голымъ бюстомъ баба:

Только чуръ.
Одинъ туръ
Никогда я, друзья, не танцу-ую...
Туровъ пять...
Отдохнуть,
А затѣмъ... опя-я-ять...

— Она можетъ.. Хо-хо-хо...— засмѣялись пріятели.

„Чортъ знаетъ, что такое! Встать и уйти“... — думаль Акшеевъ, но сидѣлъ на мѣстѣ.

„Программа“, впрочемъ, оканчивалась. Съ гиканьемъ и визгомъ выпала на сцену толпа мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ несуществующіе національные костюмы, и пустились въ какой-то неистовый плясъ. Публика начала вставать и расходиться. Акшеевъ вскочилъ и началъ дергать товарищей:

— Господа! Ну ихъ къ чорту! Пойдемъ...

— А? Что?— отозвались тѣ.—Ахъ, да! Пойдемъ... Ничего интереснаго больше не будетъ.

— Да ничего и не было,—отозвался Акшеевъ, выходя.

— Какъ ничего? Салонъ-съ, батенька, салонъ! Грація, изящество и остроуміе!—связвилъ Мигаевъ.

Они вышли на открытую площадку, залитую свѣтомъ электрическихъ фонарей.

Высоко надо всѣмъ поднялась и свѣтила полная луна, казавшаяся отсюда лишнимъ неудачно и несуразно привѣшеннымъ гдѣ-то вверху желтовато-блѣднымъ, тусклымъ фонаремъ.

Мало-малыски „степенная“ публика скорымъ шагомъ, иные подъ-руку съ дамами спѣшили уйти изъ сада. Но въ общемъ народа, какъ будто, еще прибавилось. По всѣмъ направленіямъ двигалось невѣроятное количество женскихъ шляпъ.

— Главное,—началъ опять Акшеевъ,—ни одного слова, ни одного куплета безъ грязи,—ничего, касающагося чего-либо въ самомъ дѣлѣ общественнаго, гражданскаго... Все сплошная пакость...

— Да бросьте вы, милый мой, эту чепухистику! Вѣдь и у нихъ цензура есть, да еще полицейская-съ!...—воскликнулъ Маровъ.—Э-эхъ! „Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй“,—затянулъ онъ козитономъ.—Нечего, однако, зѣвать! Идемте-ка устраиваться по предложенному росписанію.

— А не проще ли отправиться по домамъ?—нерѣшительно произнесъ Акшеевъ.

Остальные запротестовали:

— Помилуйте! Вы разстраиваете компанію. Вѣдь безъ васъ

ничего не сварганишь... Вы, такъ сказать, надежда и опора. Да и чего торопиться? Завтра праздникъ.

— Господа!— сказалъ Маровъ:—когда я ходилъ за ложей, то встрѣтилъ Надежду Александровну. Говорить, что есть новенькія и прехорошенькія.

— Вреть, чай.

— Что это за Надежда Александровна?— спросилъ Акшеевъ.

— Вотъ-те на! И этого не знаете... Эхъ, вы! Хозяйка хора, мать-командирша, хранительница дѣвичьихъ душъ и тѣлесъ...— раздалися голоса.— Баба ого-го!..

— Да вотъ и она!— воскликнулъ Маровъ.— Надежда Александровна! Пожалуйте къ намъ.

Грузная дама въ широчайшей накидкѣ и огромнѣйшей шляпѣ обернулась на возгласъ и подошла.

— А-а! старые знакомые... — произнесла она, здороваясь со всѣми за руку.

— Кромѣ вотъ-съ этого. Позвольте представить, — комически раскланиваясь, произнесъ Мигаевъ.— Павелъ Петровичъ Акшеевъ. Прошу любить да жаловать.

Хозяйка пытливо оглянула молодого человѣка и сунула ему свою пухлую руку.

— Что жъ! Новый другъ — лучше старыхъ двухъ!— произнесла она.

— Ошибаетесь: Старый другъ — лучше новыхъ двухъ...

— Это, можетъ, у другихъ, а у насъ не такъ. А вы изъ ихнихъ будете?—обратилась она къ Акшееву.

— То есть какъ это „изъ ихнихъ“?— спросилъ тотъ.

Вмѣшался Мигаевъ:

— Ученѣйшій и при томъ высочайшій писательствующій талантъ-съ, сударыня! А затѣмъ уйму денегъ имѣеть... Вы это понимаете, сударыня?

— Говорять, у васъ хорошенькія новости есть?..— сказалъ зубной врачъ.

— А вы почему знаете?

— Слухомъ земля полнится.

— Вотъ идите въ кабинетъ, пригласите хоръ и увидите.

— Ну, ужъ это вы... дудки-съ, почтеннѣйшая. Нашли кого по карману бить!—вставилъ Маровъ.

— Ну-ну-ну... — успокоительно произнесла хозяйка. — Я шучу. Не знаю я, что-ли. Возьмите кого либо такъ... просто...

для компаніи... Угостите ужиномъ. Ужъ я сама для васъ поговорю съ ними.

— Только, чтобъ хорошенькія...

— Ужъ будьте покойны. Вы въ какомъ кабинетѣ?

— Въ третьемъ — сказалъ Мигаевъ. — Идемте, что ли, господа.

— Идемъ, идемъ! — всколыхнулись всѣ. Акшеевъ двинулся за ними.

„Отчего же нѣтъ“? — думалъ онъ. — „Отчего не познакомиться съ этимъ новымъ міромъ. Это даже поучительно“...

За столиками на огромной верандѣ шумно размѣщалась публика. Сновали официанты, хлопали откупориваемыя бутылки. Почти всюду вперемежку съ мужчинами сидѣли женщины, а еще большее количество ихъ ходило среди проходовъ, заглядывая въ чужія тарелки, или перемигиваясь съ мужчинами.

Компанія черезъ веранду пробралась въ какой-то узкій, чадный корридоръ, а оттуда въ кабинетъ. Зажженные канделябры освѣтили накрытый столъ, диванъ, стулья, піанино у стѣны, какую-то олеографію на стѣнѣ... Словомъ — всю убогую роскошь наряда.

Акшеевъ опустился на диванъ, а остальные начали покрикивать на суетившагося официанта.

Ну, поживѣе... Для начала, конечно, водочку, закусочку, .. Только живо.

Слушаю-съ! — говорилъ официантъ. — Какой закусочки при-
Балыка? Икры свѣжей?..

Ну, ты тамъ счета не загоняй!.. Понимаешь? Селедочки, огурчика, грибочка, балыка, пожалуй... Только живо.

— Слушаю-съ.

— Живо, живо!

Официантъ нырнулъ за дверь. Компанія шумно занимала мѣста.

Ля донна э мобиле
Квамъ пьюмъ альвенто...

напѣвалъ фельетонистъ.

Мнѣ морду побили
Въ уно моменто —

подхватилъ плотный Егорычъ. Это продолженіе было сочи-

нено фельетонистомъ, и всѣмъ очень нравилось, чѣмъ Мигаевъ не мало гордился.

Акшееву стало немного досадно и даже обидно, что всѣмъ такъ весело, что всѣ безъ него распоряжаются, хлопчутъ, хочутъ...

— Только, господа, предупреждаю: на самыхъ скромныхъ основаніяхъ,—сказалъ онъ.—Я не могу тратить много.

— Ну, конечно,—заговорили всѣ.—Кромѣ того, господа, мы вѣдь на паяхъ. Пусть Павелъ Петровичъ заплатитъ, а мы сочтемся.

Лакей, звеня большимъ подносомъ съ яствами, питіями и посудой, вошелъ въ кабинетъ и началъ все это разставлять на столѣ.

— Что прикажете на ужинъ?—спросилъ онъ.

— Н-да. Пожалуй... Акшеевъ! вы какъ на счетъ ужина?

Лакей почтительно передалъ ему карточку.

— Пожалуй,—сказалъ тотъ,—закажи мнѣ...

Начался выборъ и заказы ужина. Затѣмъ приступили къ водкѣ. Болтовня принимала все болѣе шумный и откровенный характеръ. Акшеевъ пилъ, но ему не дѣлалось веселѣе. „Однако, какъ все это скучно“,—думалъ онъ.

— Водка, ау!.. Усохла, государи мои! — пробасилъ репортеръ.—Надо повторить.

Позвонили официанта. Тотъ принесъ еще водки и сказалъ:

— Барышни спрашиваютъ, можно-ли имъ войти. Вы приглашали...

— А-а-а...—загалдѣли всѣ.—Милости просимъ. Пожалте!..

Кто-то вскочилъ и распахнулъ дверь. Въ кабинетъ, улыбаясь, вошли: низенькая брюнетка и болѣе высокая—блондинка.

— Привѣтъ, честь и мѣсто! — провозгласилъ Мигаевъ. — Рады до самозабвенія, польщены до безчувствія. Позвольте представиться: Мишель—вашъ покорнѣйшій слуга.

Онъ пожалъ вошедшимъ руки, наклонившись и внимательно разглядывая ихъ лица. Всѣ также встали и обступили „барышень“.

— Присаживайтесь! Выпьемъ! Какъ васъ звать-величать по имени и по отчеству?

— Тамара — сказала низенькая, цвѣтущая брюнетка.

— Леля—сказала блондинка.

— Такъ и будемъ знать-съ. Во всякомъ хорѣ должна быть Тамара и Леля,—замѣтилъ Егорычъ.—Ну-съ, садитесь, выпьемъ!